

Лев ОЗЕРОВ

2.4.96.

Дверь в мастерскую

Так называется последняя книга Льва Озерова, вышедшая на днях в издательстве "Третья волна" (Париж — Москва — Нью-Йорк) тиражом 5 тысяч экземпляров. Известный поэт, переводчик, критик, литературовед вспоминает в ней о Борисе Пастернаке, Анне Ахматовой, Николае Заболоцком.

Тяжелобольной Лев Адольфович успел получить сигнальный экземпляр книги и даже написал записку тем, кто должен был прийти на ее презентацию. "Болезнь не позволяет мне, — писал он в ней, — присутствовать на презентации моей книги "Дверь в мастерскую". Был здоров — книги не выходили. Заболел — пошли. Все же советую не болеть. Книга моя долго накапливалась, долго издавалась. Конечно, этот день для меня — радостный..."

Но до этого дня он не дожил.

Сегодня презентация последней книги Льва Озерова — на страницах "Вечернего клуба".

Александр ГЛЕЗЕР,
главный редактор издательства "Третья волна".

Борис Пастернак о "перестройке" поэтов*

Никогда не заставлял я Пастернака за чтением газет. У меня сложилось впечатление, что он вовсе их не читал. Правда, он лестно отзывался об "Известиях" в те времена, когда газету редактировал Бухарин. "Вот, оказывается, и газету можно сделать поэтичной, то есть человеческой".

Не слышал я Пастернака за обсуждением политических новостей. Ничего не могу сказать по поводу того, что они интересовали его.

**Какое, милые, у нас
Тысячелетие на дворе?**

Вопрос задан летом 1917 года, детям ("сквозь форточку кликну детворе"). Задан он детям и обращен к вечности. Ну и поиздевались же в разные годы над Пастернаком разные социологи и политологи. Отсюда и приписываемая Сталину кличка — специально для Пастернака — "небожитель". Не верю, что в словаре "корифея науки" было это слово.

Однажды разговор наш происходил на прогулке по переделькинскому подлеску/.../ Пастернак в старом плаще и кепке шел рядом, шел отрешенно, возможно, на некоторое время забыв обо мне. Потом он спохватился и на восторженно зашевелившихся в нем басах заговорил:

— Нас троих вызывал к себе Троцкий. Эти трое — Есенин, Маяковский и я. Он не угрожал, не свирепствовал, но внятно и энергично сказал нам, каждому из нас, примерно такое: если вы не перестроитесь, история сломает вам хребет. Возможно, было так: указав рукой на первого, второго, третьего, он сказал: вам, вам, вам...

Совет или указание? Странно сейчас звучит это горбачевское слово "перестройка", отнесенное к 20-м годам. Но что было, то было. У "перестройки" — своя генеалогия и свои традиции.

Остается добавить, что в мемуарах О. В. Ивинской приведенный здесь эпизод с Троцким упоминается как эпизод со Сталиным. Мемуаристку подвела память. В году 1924 Сталину было не до бесед с поэтами.

Чудом выжившая акмеистка

Задолго до выхода книги "Бег времени", суперобложка которой украшена рисунком Модильяни, я спросил Анну Андреевну:

— Существует лишь один этот рисунок — ваш портрет, сделанный Модильяни, или их больше?

— Было около двадцати.

— А где остальные?

Отвечает не сразу. Отвечает спокойно:

— Остальные выкурили солдаты в Царском Селе во время гражданской войны...

Сама Анна Андреевна предложила прочитать новые строки. После чтения сказала:

— Читать надо одно стихотворенье. Если очень просят — не более трех. Если настаивают и не отпускают — не более пяти. Все остальное это мучительство стихом.

Ей сообщили, что в сильном подлптии видели Владимира Луговского, сидящего в канаве. Она не удивилась и не поддержала обвинительный тон информатора.

— Поэт, даже сидя в канаве, видит голубизну неба более полно и глубоко, чем все прочие.

В стихах и поэмах Анны Ахматовой исторические картины века, дневник женского сердца, исповедальные строки. Это суждение многих. И все же, передавая в дар книгу избранных стихов своих, Анна Андреевна говорит, показывая на книгу тыльной стороной ладони:

— Тень от тени Ахматовой.

Последние восемь — десять лет жизни Анна Андреевна Ахматова была окружена старыми друзьями (Ф. Г. Раневская, Н. А. Альшеевская, Л. К. Чуковская, В. М. Жимурский, В. В. Виноградов, Н. Я. Мандельштам и другие). К ним добавились "друзья последнего призыва". Среди этих последних были и люди, чуждые ей, шумные, они записывали ее голос на пленку, фотографировали, задавали банальные и никчемные вопросы, выпрашивали автографы.

Утомленная такого рода посетителями, Анна Андреевна однажды сказала мне:

— Что-то странное, а подчас и подозрительное вижу в этом вспыхнувшем интересе к бывшей чудом выжившей акмеистке. Это не по мне. Мне спокойней и привычней в моем одиночестве, я в нем знаю каждый уголок...

Неспешный Заболоцкий

В ссылке, как известно, Заболоцкий дробил камень в карьере, валил лес в тайге (при его-то любви к деревьям), строил дороги, был чертежником в проектно-отделе строительства, осуществлявшегося ссылными. Та работа чертежника после непосильного физического труда и губительного общения с уголовниками наверняка сохранила ему жизнь.

В 1943 году Заболоцкого перевели в Алтайский край, где он участвовал в добыче озерной соды. Эта работа подточила его здоровье. С болезнью сердца он попал в лазарет.

Конечно, пришлось приложить немало усилий для освобождения Николая Заболоцкого. В этом участвовало немало благожелательных и деятельных людей. Он вернулся в состоянии, которое в лагерях имело название "доходяга". Он был списан, как тяжелобольной, можно сказать, безнадежный. Если в таком состоянии он за двенадцать лет создал столько прекрасных стихотворений, то легко себе представить, что мог сотворить этот человек в нормальных условиях.

В одном из разговоров Николай Алексеевич сказал мне:

— Было время, когда я весь день мог сидеть над строфой. Сейчас не могу. Часа два посижу, а дальше — нет сил... Жаль, у меня планов много/.../

Нередко мы усаживались за стол, пили чай или кофе и перебрасывались рифмами. Николай Алексеевич обычно начинал эту игру — две строки, я с ходу зарифмовывал их и замыкал строфу. Я тут же предлагал и ему какие-нибудь две строки, которые он изящно подхватывал и лихо придавал им кольцевую форму.

Это выглядело примерно так:

Собеседник:

**Нам долго пива не несут,
Ждать надоело, тяжело.**

Заболоцкий (почти без паузы):

**Стоит, увь, пустой сосуд,
Непривлекательный зело.**

Другой раз начинает Заболоцкий:

**Бифштекс с яйцом и с луком. Да!
Что ж, порцию двойную нам бы!**

Собеседник:

**Но водка кончилась — беда,
А потому тоскуют ямбы.**

Еще случай.

Собеседник:

**Дарю вам вешнюю зарю
И сто рублей в придачу.**

Заболоцкий (без паузы):

**А я взамен вам подарю
Литфондовскую дачу.**

Легкость, с которой он это проделывал, заставила меня однажды спросить его:

— А почему вы так мало пишете? Ведь у вас так легко идет...

Николай Алексеевич наклонил голову, снял очки и, подумав, тихо ответил вопросом-восклицанием:

— А зачем спешить? — И еще тише, удивленно и уверенно: —

А кто сказал, что надо спешить?

* Заголовки отрывков из книги Льва Озерова "Дверь в мастерскую" даны редакцией "ВК".